

В. В. Попков

профессор кафедры политологии Одесского национального университета
имени И. И. Мечникова

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н. БЕРДЯЕВА

В статье анализируется подход выдающегося философа Н. Бердяева к проблеме соотношения национального и общечеловеческого. Раскрываются теоретические основания критики Н. Бердяевым как национализма, так и космополитизма.

Ключевые слова: национальное, общечеловеческое, национализм, космополитизм, нация, цивилизация, философия.

Сегодня, в начале нового столетия и нового тысячелетия с усиленной экспрессией ведется полемика по поводу будущности наций. Одни считают, что идея единой наднациональной планетарной цивилизации окончательно похоронена, и на арену с безудержной и дикой энергией ринулся “новый трайбализм”. Другие, наоборот, напевают на необходимость глобальной рационализации, нивелирования национального многообразия в соответствии с едиными глобализационными стандартами. Третьи без всяких обиняков заявляют, что есть “нации-эталоны” и под них нужно подстраиваться всему остальному миру. Чем быстрее отставшие нации перестанут “цепляться за свою самобытность” и добровольно примут патронирование со стороны наций “передовых”, тем быстрее они вступят на путь процветания — таковы эти аргументы. Причем полемика эта ведется не только в академических аудиториях, не только в прессе. К сожалению, в ряде мест полемика эта ведется с применением автоматов, танков, боевой авиации.

Участникам этой полемики полезно напомнить, что еще в период Первой мировой войны, осмысливая ее трагический опыт, Николай Бердяев выработал методологию подхода к национальному и общечеловеческому. Методологию, которая, на наш взгляд, содействовала бы снятию множества существующих и назревающих новых конфликтов. Методологию, которая оказалась не востребовавшей в кровавом XX веке.

Бердяев вынес одинаковый приговор и национализму, и космополитизму. И тот, и другой являются противоестественными, неистинными. Оба они (каждый по-своему) разобщают бытие национальное с бытием единого человечества. Космополитизм есть та отвлеченность, в которой нет бытия. Бердяев подчеркивает, что космополитизм “...не оправдывает своего наименования, в нем нет ничего космического, ибо и космос, и мир есть конкретная индивидуальность, одна из иерархических ступеней” [1, 84].

Будучи христианским философом, Бердяев так трактовал невозможность безнационального человечества: Бог не есть угашение всех индивидуальных ступеней многообразного бытия, но наоборот, их наивысшая полнота

и совершенство. Подобно этому и человечество не может быть угашением индивидуального бытия наций и национальных культур. Наоборот, его полнота определяется полнотой и многообразием наций. Человечество, — пишет Бердяев, — превратилось бы в пустую отвлеченность, если бы своим бытием угашало и упраздняло бытие всех входящих в него ступеней реальности, индивидуальностей национальных и индивидуальностей личных” [1, 84]. Человечество, по Бердяеву, есть конкретная индивидуальность высшей иерархической ступени, соборная личность, а не абстракция, не механическая сумма. Л. Гумилев определяет такую конкретную индивидуальность как антропосферу, которая делится на сообщества, именуемые народами, нациями или этносами. “Налицо факт мозаичности антропосферы, и правильнее назвать ее этносферой (от термина “этнос”. — В. П.)” [6, 20]. Л. Гумилев в своих исследованиях подтверждает парадигму Н. Бердяева об усложнении и увеличении внутреннего этнического богатства человечества в противовес утверждениям о его унификации.

Бердяев убежден, что главным действующим лицом истории является не класс, не партия, а *нация*. Он считает, что нация есть динамическая субстанция, а не временная историческая функция. Корнями своими она вращается в таинственную глубину жизни, питается ею и обогащает ее. Нация, национальная жизнь есть всегда положительное обогащение бытия. Этого нельзя сказать о классовых или политических формированиях. Можно и должно мыслить исчезновение классов и принудительных государств в человечестве, которое когда-нибудь достигнет совершенства. Но невозможно мыслить исчезновение национальностей. Принцип их неуничтожимости заключен в принципе жизни человека. Как отмечает Л. Гумилев, человек вместе “со своим этническим коллективом... сопричастен биосфере. Вечно меняясь, умирая и возрождаясь, как все живое на нашей планете, он оставляет свой след путем свершения событий, которые оставляют скелет этнической истории — функции этногенеза” [6, 343].

Бердяев подчеркивает иррациональный характер природы нации, национальности. Он считает, что природа национальности не определима ни по каким рационально-уловимым признакам. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении. Национальность, в его представлении, — это сложное историческое образование, которое формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель. С ними данная национальность связывает свою судьбу под определяющим воздействием духовно-культурного процесса, созидающего ее неповторимый духовный облик. После всех операций рационального анализа нации все равно остается неразложимый и неуловимый “остаток”, в котором и заключена вся тайна национальной индивидуальности. К примеру, душа Франции средневековья и Франции XX века — одна и та же национальная душа, хотя в истории изменилось все до неузнаваемости.

Этот свой общеметодологический подход Бердяев распространяет и на культуру. Подобно тому, как жизнь человечества не может состояться

без жизни наций, так и общечеловеческая культура немыслима без национальных культур. Подлинная, отмеченная печатью гения культура никогда не была и не будет отвлеченно-человеческой. Она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная, индивидуально народная. Лишь в таком своем качестве культура восходит до общечеловеческих вершин. Только наименее творческая, внешне техническая сторона культуры может быть не национальной, отвлеченно-человеческой, легко транспортируемой от народа к народу. Вспомним, что сегодня наиболее мобильной, поистине планетарной культурой является “массовая культура” с ее механическим тиражированием произведений, исполнителей, рекламной продукции. Авангардистский текст представляет собой производство ради производства — плетение слов, произвольных ассоциаций, отступлений, не ведущих ни к какому осмысленному финалу, ни к чему, способному вызвать сопереживание читателя, слушателя, зрителя. Денационализация, стерилизация национального начала есть уничтожение творческого источника культуры.

Все творческое в культуре носит печать национального гения, считает Н. Бердяев. Даже великие технические изобретения — национальны. Национален даже научный метод. Дарвин мог быть только англичанином. Гельмгольц — характерный немец, и его размышления — плод чисто немецкой культуры. Ненациональны лишь функциональные применения великих открытий и изобретений. Они не имеют корней и легко усваиваются другими народами.

Но все это не означает, что национальные культуры должны быть замкнутыми. Смысл их бытия и развития, их творческий пафос определяется их стремлением к общечеловеческим горизонтам. Национальное и общечеловеческое в культуре не могут быть противопоставлены друг другу. Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества. Гете — универсальный человек не в качестве отвлеченного человека, а в качестве национального человека — немца. То же можно сказать о русском Л. Толстом, украинце Т. Шевченко, еврее Шагале, американце Хемингуэе, французе Камю, итальянце Пазолини и великом множестве других подвижников мировой культуры.

Видя в нации, национальной культуре величайшую ценность истории, Бердяев в то же время органически не воспринимал, отторгал любые формы национализма. Национализм вреден, так как, по мнению Бердяева, он представляет собой внешнюю, принудительную регламентацию духовной деятельности нации. Репрессивная догматика и нетерпимость национализма угнетает творческий порыв, враждебна пониманию национального бытия как задачи творческой. Национализм стесняет национальное призвание, отрицает иррациональную тайну национального бытия, сводит все к расхожим и примитивным штампам и лозунгам.

Характерно то, что проблема национализма, обозначенная Бердяевым, оказалась одной из наиболее трагических проблем XX века. Известный русский ученый, выдающийся математик и не менее известный политический публицист Игорь Шафаревич так оценивает сложившуюся ситуацию: “Со-

вершенно неожиданно XX век оказался веком неслыханно обострившегося национализма” [4; 489]. В прошлом столетии, считает он, общее убеждение было — что национальная проблема отживает свой век, что малые нации постепенно растворятся в больших, различия между большими будут постепенно сглаживаться и в недалеком будущем человечество сольется в общемировом единстве — может быть, и с единым языком. Действительность оказалась как раз противоположной. Страны, которые в течение столетий жили в национальном мире, оказались охваченными национальной рознью. Появились разновидности национализма, о существовании которых раньше и не подозревали, например, бретонский, валлонский или валлийский. Национальная вражда достигла неслыханной раньше степени взаимного озлобления [4, 489]. Особенно реакционным является так называемый “ветхозаветный национализм”, сутью которого является психология охранительства, недопущения никаких новшеств, никаких взаимодействий. Сегодня эта проблема получила определение как проблема фундаментализма — религиозного и национального. Торжество фундаменталистской идеологии в тех местах, где фундаменталисты приходят к власти, неизбежно оборачивается разрушением общечеловеческих культурных ценностей, колоссальной духовной репрессивностью, геноцидом.

Но и глобализация имеет свои парадоксы. Политические элиты стран западного модерна на словах демонстрируют недовольство национализмом как явлением узким и ретроградным. Однако на деле они стимулируют скольжение не вверх к уровню наднациональных и транснациональных отношений, а вниз к сепаратизму локальных этносов. Так, американцы, ревнуя к суверенитетам крупных многонациональных государств, поощряют этносuverенитеты. Почти всем стало ясно, что этнические конфликты заменили один большой — противостояние Востока и Запада. Вместе с Херстом Ханнумом из Тафтского университета можно смело сделать вывод: “Словесная дань уважения еще отдается принципу территориальной целостности, но распад в течение десятилетия Советского Союза, Югославии, Чехословакии и Эфиопии видится многими протонациями, претендующими на национальное самоопределение, как самый важный прецедент” [7, 13].

Последовательно и принципиально осуждая национализм, персоналист Бердяев достаточно скептически воспринимал и идеологию интернационализма. Он считал интернационализм отвлеченным, неконкретным, отрицающим наличие ступеней индивидуализации [см.: 2, 240]. Всечеловечность, по мнению Бердяева, не имеет ничего общего с интернационализмом. Всечеловечность есть высшая полнота всего национального.

Какой же видится динамика национального и общечеловеческого в масштабе истории, в масштабе бытия? Бердяев на этот вопрос отвечает так: “Весь мировой путь бытия есть сложное взаимодействие ступеней мировой иерархии индивидуальностей, творческое вращение одной иерархии в другую, личности в нацию, нации в человечество, человечества в космос, космоса в Бога” [3; 260]. То есть формирование целостной мировой цивилизации есть не что иное, как *вращение наций в человечество*, а не са-

мозамирование их и не нивелирование их глобальными структурами. Сложный это путь? Безусловно — да. Объединение человечества, его развитие к всеединству совершается через мучительное, болезненное образование и борьбу национальных индивидуальностей и культур. Но другого исторического пути нет. Либо пройти через все испытания и конфликты к новой формуле межнационального сообщества, либо подчиниться демонической логике разрушения и саморазрушения.

Зоологическое национальное чувство и инстинкт — это еще элементарное, темное, еще стихийное состояние, которое должно быть преобразовано в творческое национальное чувство и инстинкт. Любовь к своему народу должна быть творческой любовью, творческим инстинктом. И менее всего она означает вражду и ненависть к другим народам. Этот мотив уже очень сильно чувствовался в творчестве Ф. М. Достоевского “Стать настоящим русским, стать вполне русским, — писал он, — может быть, и значит только... стать братом всех людей. Всечеловеком, если хотите... Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей...” [5, 147].

Ну а каков путь отдельного человека, личности в мировую цивилизацию? Бердяев отвечает: этот путь возможен только через конкретную нацию, через конкретную национальную культуру, в атмосфере которой данный человек, данная личность формировались и воспитывались. “Человек входит в человечество, — пишет Бердяев, — через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец, или англичанин” [3, 259]. Национальный человек — больше, а не меньше, чем просто человек. В нем соединены родовые черты человека вообще и черты индивидуально-национальные.

Нужно БЫТЬ в национальности, участвовать в ее творческом жизненном процессе, чтобы войти в творческий жизненный процесс человечества и через него прикоснуться к Вечности. Путь к всечеловечеству для русских лежит через Россию, для украинцев через Украину, для французов через Францию. Творческий национальный путь и есть путь к всечеловечеству, есть раскрытие всечеловечества во мне и моей национальности, так же как в национальности моих современников, отмечает Н. Бердяев.

В то же время Н. Бердяев отмечает глубокую разницу в отношении России и Запада к проблеме всечеловечества. В этом вопросе он обращается к духовному наследию Ф. Достоевского, горячо любимого им писателя. Н. Бердяев подчеркивает, насколько “изумительно отношение Достоевского к Европе” [8, 129]. Многие свои мысли Достоевский влагает в уста Версилова. “Они (европейцы) — несвободны, — говорит Версилов, — а мы свободны. Только я один в Европе с моей русской тоской тогда был свободен... Всякий француз может служить не только своей Франции, но даже и человечеству, единственно под тем условием, что останется наиболее французом, равно — англичанин и немец. Один лишь русский, даже в наше время, т. е. гораздо еще раньше, чем будет подведен общий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец. Это и есть самое существенное национальное разли-

чие наше от всех, и у нас на этот счет — как нигде. Я во Франции — француз, с немцем — немец, с древним греком — грек и, тем самым, наиболее русский, тем самым, я — настоящий русский и наиболее служу для России, ибо выставляю ее главную мысль”. Сам же Достоевский в “Дневнике писателя” подчеркивал: “Европа — но ведь это страшная и святая вещь, Европа. О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам, по-вашему, ненавистникам Европы, — эта самая Европа, эта страна “святых чудес”. Знаете ли вы, как дороги нам эти “чудеса” и как любим и чтим, более чем братски любим и чтим мы великие племена, населяющие ее, и все великое и прекрасное, совершенное ими” [8, 130]. В этих формулировках заключен код интеграции славянского мира и, прежде всего, русских в европейское сообщество: чем в большей степени русские (славяне в целом) будут европейцами, тем в большей степени в них будет проявляться русский (славянский) духовный культурный потенциал. Русские религиозные мыслители типа Достоевского и К. Леонтьева не отрицали великой культуры наций Западной Европы. Однако они отрицали современную им европейскую цивилизацию, ее “буржуазный”, мещанский дух, изобличающий в ней измену великим преданиям и заветам прошлого европейской культуры. Славянофильство и западничество были своеобразной защитной реакцией сознания. Уже в XIX веке было видно, как начинает побеждать дух мещанской цивилизации вследствие измены христианским основам культуры [8, 47].

В мире с такой же силой, как процесс универсализации, действует закон дивергенции. В процессе эволюции непрерывно множатся различные формы человеческого общежития, организационные структуры деятельности, особенности духовного мира людей. Видимо, на осознании этого закона будет строиться “МИР XXI века”. Нам предстоит еще разобраться в том, что означает такое словосочетание, каким мы видим планетарное сообщество в наступившем тысячелетии, по какой логике будут происходить социальные и духовно-личностные преобразования. И, видимо, в авангарде истории будут не те народы, у которых сегодня наиболее устроена производственная жизнь, а те, менталитет которых наиболее настроен на принятие духовных устремлений сложного, полиэтнического, поликультурного мира XXI века.

Выводы

Диалектика национального и общечеловеческого в философском мышлении Н. Бердяева в известной мере является ключом к пониманию концепции персоналистической революции, уяснению степени ее актуальности для практик XXI века. Исходя из этой диалектики общественно-экономические формации, государства, системы государств, классы не могут рассматриваться в качестве субъектов истории. Главным субъектом истории была, есть и будет нация.

Бердяев настаивает на иррациональном характере нации. Он видит в ней тайну космоса, тайну истории, источник живительных сил личности.

В нации Бердяев видит то неуничтожимое качество, которое сохраняет характер народа на вечные времена.

В то же время Бердяев осуждает национализм, в котором он видит установку, тупик национального развития. В национализме Бердяев видит ту внешнюю, репрессивную форму, которая сдерживает, подавляет развитие внутреннего творческого духа нации. Венец национального творчества заключен в выходе на общечеловеческий или, используя терминологию Н. Бердяева, всечеловеческий уровень. Любая национальная культура сильна и жизнеспособна в той степени, в которой в ней присутствует стремление к всечеловеческому воплощению.

С этим связана другая противоположность: все, что связано с взлетами человеческого гения, — связано с оригинальными национально-культурными истоками. И наоборот, все, что имеет отношение к механическому воспроизведению, тиражированию в культуре, оказывается безнациональным, этнически стерильным и, в конечном итоге, бессодержательным.

С диалектикой национального и общечеловеческого тесно связана проблематика социальных революций. Социальные революции могут вдохновляться идеалами “интернационализма”, “всеобщего братства”, “мировой диктатуры пролетариата”. Но в конечном итоге они получают совершенно не те результаты, которые первоначально ожидались. Духовная же или персоналистическая революция не связывает себя с этими внешними идеологическими установками. Она осуществляется через максимально полное раскрытие духовного потенциала каждой личности, выросшей в национальной среде, и каждой нации, сложившейся в общечеловеческом сообществе.

Современная духовная ситуация определяется дилеммой: либо мир будет подчинен жесткому регламенту окостеневающей наднациональной глобализации, либо он будет оживотворен живой культурой, черпающей свою энергию из национальных источников. Либо личность превратится в стерилизованного, безнационального индивида, либо личность, проходя своим только ей присущим национально-культурным путем, возвысится до всечеловеческих ценностей.

Бердяев убежден в том, что есть нации, самой мировой судьбой приуроченные с наибольшей силой и глубиной отзываться на мировые культурно-цивилизационные импульсы, раскрывать свою уникальность и неповторимость в самом факте своего погружения в “культурные миры” всего человечества. В этом их духовная миссия и в этом их историческая роль.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М.: Мысль. 1990. — 207 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. — М.: Мысль, 1990. — 320 с.
3. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. — М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. — 312 с.

4. Шафаревич И. Есть ли у России будущее? — М.: Советский писатель, 1991. — 560 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. — Л., 1972–1989. — Т. 26.
6. Гумилев Л. Конец и вновь начало. — М.: Рольф, 2002. — 384 с.
7. Hannum H. The Specter of Secession. Responding to Claims for Ethnic Self-Determination (“Foreign Affairs”, March-April 1998).
8. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. — М.: Захаров, 2001. — 172 с.
9. Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. — М.: Алгоритм, 2002. — 512 с.

В. В. Попков

професор політології Одеського національного університету
імені І. І. Мечникова

**НАЦІОНАЛЬНЕ І ЗАГАЛЬНОЛЮДСЬКЕ У ФІЛОСОФСЬКІЙ
ІНТЕРПРЕТАЦІЇ М. БЕРДЯЄВА**

Резюме

В статті аналізується підхід видатного філософа М. Бердяєва до проблеми співвідношення національного та загальнолюдського. Розкриваються теоретичні підґрунтя критики М. Бердяєвим як націоналізму, так і космополітизму.

Ключові слова: національне, загальнолюдське, націоналізм, космополітизм, нація, цивілізація, філософія.

V. V. Popkov

professor of political science of Odessa national University

**THE NATIONAL AND THE HUMAN IN THE PHILOSOPHY
OF N. BERDYAEV**

Summary

The article is devoted to the problem of correlation between of the national and the human in philosophy of Nikolai Berdyaev. Are discovered the theoretical foundations of the Berdyaev's critics on the nationalism and cosmopolitism.

Key words: national, human, nationalism, cosmopolitism, nation, civilization, philosophy.